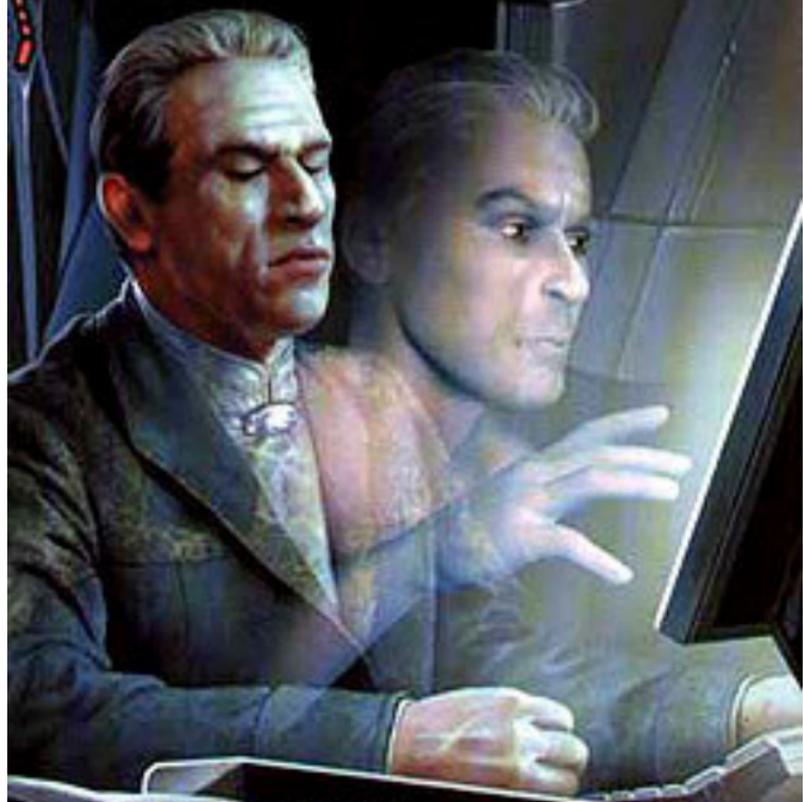

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

РЕШЕНИЕ НОМЕР ТРИ

Владимир Дмитриевич Михайлов

Триада куранта

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165346*

Решение номер три: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-12392-X

Аннотация

В этой детективной истории ставки уж очень высоки – существование целого мира...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Михайлов

Триада куранта

Глава 1

В комнату вошла пара башмаков.

Нет: не то слово. Пара модных элегантных туфель с закрученными штопором носками и семигранными каблучками. Туфли ступали легко, слегка даже пританцовывая, хотя несли на себе пару толстых ног. На них в свою очередь держалось весьма массивное тело, обладавшее полным набором рук (две) и головой, чьи волосы остались где-то в незабвенном прошлом. Голова была укомплектована парой глаз, чей взгляд не назвать было иначе, как нахальным, а также губами; последние в данный момент активно шевелились, составляя воздух вибрировать так, чтобы возникали более или менее различимые слова:

– Эй, если ты еще жив, докажи это, по возможности побыстрее. Представь, что на улице раздают деньги и они вот-вот кончатся. И занимаются этим самые красивые девушки города!

Вместо ответа Ястреб снова закрыл глаза, надеясь, вероятно, что Листвен является лишь призраком и, не получив на свой призыв никакого отклика, незамедлительно рассеет-

ся в воздухе.

Упование оказалось тщетным. Как и обычно в таких случаях, когда коллега Листвен врывался ни свет ни заря, пользуясь привычкой Ястреба не запираяться на ключ. Похоже, что гость каждый раз надеялся застать сослуживца в постели не одного, чтобы раз и навсегда разрушить миф о полной неприступности Ястреба для женщин, если говорить о серьезных намерениях. Так что туфли четким перестуком обозначили свой путь, остановились рядом с диваном, и в следующий за этим миг одеяло взлетело в воздух, чтобы приземлиться где-то у противоположной стены.

Это действие вызвало у атакованного острое чувство незащищенности и, кроме того, неприятной прохлады, заставившие Ястреба испустить жалобный стон:

– Толстый, дай человеку выспаться! Я только в четыре вернулся! Ну ради всего святого! Должна же быть в твоей жирной душе хоть какая-то гуманность...

– Она-то мною и движет, – объяснил Листвен, ухватив Ястреба за плечи и таким образом приведя его, хотя и не без усилий, в сидячее положение. – Беспробудный сон сотрет в тебе последние признаки людского, останется одно лишь птичье. Поставить тебя на ноги? Или отнести в ванную и окунуть? Воду я уже напустил. Ледяную. Брр!

– Слушай: ну неужели...

Листвен не дал Ястребу продолжить, сказав лишь три слова, с которых, собственно, и следовало начать, их бы вполне

хватило:

– Младой ждет. По тревоге. В конторе – полный раздрай.

– А будьте вы все прокляты! – искренне пожелал Ястреб, окончательно просыпаясь. – И пусть боги нашлют на вас, самое малое, бессонницу и пусть покарают тебя лично отсутствием аппетита...

Листвен удовлетворенно ухмыльнулся, однако на всякий случай отошел подальше и занял выжидательную позицию у двери.

Глава 2

В конторе «Прозрачного мира», частного сыскного агентства с достаточно высокой репутацией, и в самом деле физиономии у всех, находившихся там, когда пробужденный возник на пороге, были кислее квашеной капусты.

– Чего это вы так? – поинтересовался Ястреб. – Может, все перешли на лимонную диету? Или закрывают наконец наш приют для бездельников? Нет, неправдоподобно: это означало бы, что среди начальства появился хоть один умный человек, а такого не может быть по определению.

– Сейчас это меня даже обрадовало бы, – и Младой, директор и главный акционер, воздел руки горе, словно собираясь вцепиться в седые остатки волос на голове. Одновременно он сделал жалкую попытку усмехнуться, но у него это не очень получилось. Руки медленно опустились, так и не произведя никакого действия.

– Тогда и подавно незачем было отрывать меня от приятного времяпрепровождения.

– Он что – не один был в постели, что ли? – обратился Младой к Листвену.

– Если только она была из невидимок, – пожал плечами тот. – Может, он ее видел во сне?

– Я тебе сочувствую, – сказал Младой уже Ястребу, постукивая ногтями по столешнице в такт словам. – Больше того:

жалею. Но помочь не могу совершенно никак. Ну совершенно.

– Пожалел волк кобылу, – пробормотал Ястреб.

Вероятно, он еще не пришел в себя как следует: в разговоре с Младым подобные реплики не сходили с рук, директор требовал беспрекословного уважения к себе. Но на сей раз ограничился лишь не очень сердитым:

– Ну-ну, только не забывайся. Да ты ведь и не кобыла, а ястреб, разве напрасно тебя так прозвали? «Жеребец» – тебе больше нравится?

– Похоже, что и то и другое не по адресу, – процедил Ястреб хмуро, но уже не столь обиженным тоном. – Поскольку со мной обращаются скорее как с цыпленком. Я ведь работал Триглазого. Двое суток не спал ни минуты. Еще каких-нибудь пару часов – и я проснулся бы в лучшей форме и еще до вечера его закогтил бы. А если вы станете меня отрывать – как бы не пришлось начинать все сначала: его к вечеру наверняка и след простынет. А я его неделю пас...

– Кого? – произнес Младой с мягкой укоризной в голосе. – Кого, я спрашиваю? Триглазого? Кто таков Триглазый? Тришка. Мелочь пузатая. Не много ли для него чести, чтобы его Ястреб когтил? Не бойся: никуда он не денется. Его перенял Виталич и возьмет сразу же, как только Тришка выведет на деньги. То была, как говорится в народе, службишка, не служба. От безделья рукоделье.

Младой любил цитировать старинных авторов попереж-

ку с поговорками.

– Какая же будет служба? – не удержался от вопроса Ястреб. Хотя и старался не проявлять явного интереса.

– Служба будет – Смоляр.

Ястреб только присвистнул сквозь зубы. Подошел к своему столу, выдвинул все ящики и стал неторопливо выкладывать их содержимое на плоскость. Глаза всех присутствующих провожали каждое его движение.

– Ты что это задумал, а? – после паузы поинтересовался Младой. – Вроде бы до Дня наведения порядка еще далеко?

– Если хочешь меня уволить, – ответил Ястреб спокойно, – то так и скажи. Без литературных фигур. А то – Смоляр!.. Остряк ты!

– Да ты что! Кто тебя...

– Нет, это вы – что, заболели? Случай массового помешательства? Но я тут ни при чем: у меня здоровье в порядке. Разве что хронический недосып – но без этого на такой собачьей работе не бывает. Сам удивляюсь, как это до сих пор не нажил нервного истощения или чего похуже.

– Уймись, – посоветовал Младой. – Если кто и спятил, то не мы. Ты способен спокойно воспринимать информацию? Тогда слушай. Час тому назад позвонил сам Президент...

– Президент чего? – перебил Ястреб. – Фонда помощи слаборазвитым детям? Или Общества передвижных цирков?

– Президент страны, идиот!

– Ну, я бы не судил его так строго...

– Ты перестанешь паясничать?! Повторяю медленно, чтобы ты усвоил: звонил Президент страны. И просил заняться этим делом. Просил со слезами на глазах. Усекаешь? Нас! Со слезами!

– Ничего себе уха, – проговорил Ястреб, помолчав. – Слезы, это понятно, коли уж больше не к кому обратиться, как к нам. Но если возникло дело Смоляра... Значит, и вправду стало жарко.

– Да, – сказал Младой. – Вот именно. Разжевал наконец?

– А может, – проговорил Ястреб задумчиво, – мне лучше все таки сразу подать в отставку? Не теряя времени?

– Ты что, – едва ли не испуганно пробормотал Младой. – И в самом деле не выспался? Я с тобой серьезно разговариваю...

– А что: разве нет у нас поговорки: «Послать на Смоляра»? Когда приходит пора от кого-то избавиться? Задание-то на засыпку.

– Нет, – сказал Младой и даже руку приложил к сердцу в знак полной искренности. – Совсем даже наоборот. Если кто-то и может взять его вместе с доказательной базой, то только ты. Поверь: мы тут долго перебирали, каждого подсада разобрали по косточкам. Ты – и никто больше.

– А надо ли? – Похоже, Ястребу очень не хотелось браться за предложенную задачу. – Сказал бы ты президенту, дал бы благой совет: не тронь, мол, его – и оно вонять не будет. Смоляр вроде бы сидит тихо, ни у кого давно уже не вызы-

вает головной боли... Зачем же будить спящую собаку?

– Да довел уже до зубной и сердечной вместе, – пробормотал Младой хмуро. – Ты успокойся немного, подумай о чем-нибудь нейтральном, по возможности приятном: о женщинах хотя бы. А потом я тебя введу в курс дела со всеми подробностями. Выпьешь чего-нибудь?

– Синильной кислоты с тоником, – ответил Ястреб, пытаюсь и в самом деле успокоиться. – И советуешь ты, скажу тебе, ерунду. Женщины! Это, по-твоему, успокаивает? Старейшь, начальник? Да и где они? И где – время на них?

Времени Ястребу и в самом деле всегда не хватало – или, во всяком случае, так ему казалось. Вот почему вместо того, чтобы думать о приятном, Ястреб принялся вспоминать все, что было известно о Смоляре – ему, да и всем его коллегам по работе в «Прозрачном мире» – и не только в нем, но и во всех вообще Службах охраны порядка Галаксии, великой Федерации.

Глава 3

В «Прозрачном мире», как и в любой другой службе такого рода, Смоляр уже много лет был притчей во языцех. О нем знали, кажется, все – и никогда ничего не могли доказать. Ему приписывалась разработка и организация самых крупных преступных операций за последнюю четверть века; но ни по одному из дел не было найдено ни намека на соучастников и ни единого свидетеля. Сам Смоляр уверял, что все слухи о его участии распускаются завистниками, не прощающими ему несомненной популярности: Смоляр недаром считался символом всего на свете, от секса до богатства и власти.

Службы были уверены в его виновности во многих и многих крутых делах хотя бы потому, что методом исключения каждый раз отсеивались все другие подозреваемые – им выполнение проектов такого масштаба было бы просто не по силам. Например, мгновенное – за неделю – разорение могучего «Треста-92», владевшего тремя четвертями добываемых в Галактике уранидов. Акции Треста обрушились после того, как все средства информации опубликовали сверхдостоверные сообщения о катастрофах с трагическим исходом на самых продуктивных разработках. Скотившиеся ниже номинала ценные бумаги были мгновенно скуплены «Галактинвестом», о котором буквально все знали, что при-

надлежит он Смоляру, во всяком случае – контрольный пакет, хотя юридически это и было недоказуемо: формально этот пятьдесят один процент был разбросан по двум дюжинам провинциальных компаний и банков, ураном никогда не занимавшихся. Как только акции скупили, начали приходиться опровержения: никаких катастроф не было и в помине, люди, якобы погибшие, свидетельствовали о полном своем здравии, было подано даже несколько исков к информаторам – о возмещении за причиненный моральный ущерб. Происшедшее, впрочем, квалифицировали просто как злостное хулиганство, найденный после непростых поисков мелкий репортер – автор первого сообщения – получил в суде условный приговор за совершенную им злостную дезинформацию, приведшую к ухудшению экономической обстановки; иски же за моральный ущерб судом приняты не были: выступавший по делу адвокат ответчика убедил суд в том, что криминальная информация была, напротив, полезной для каждого истца, поскольку, как известно, если слух о смерти человека оказался ложным, то это гарантирует ему долгий век. В качестве свидетелей выступили люди весьма уважаемого возраста, которым в давние времена тоже приходилось переживать подобное. Зато сочинитель ложного сообщения (впрочем, был ли он автором – так и осталось неясным, поскольку он не назвал ни одного имени, сам же ни на одном из упомянутых им предприятий никогда не бывал; он лишь публично раскаялся в том, что проявил легкомыс-

лие, используя разговор между незнакомыми ему людьми, случайно услышанный им в провинциальной харчевне. Это было проверено – но в придорожной забегаловке, как объяснили ее владельцы, народу каждый день – невпроворот и все – новые люди, так что ни подтвердить, ни опровергнуть объяснение обвиняемого они не в состоянии). Так или иначе, виновный был в наказание с позором изгнан из журналистики. Однако от позора не застрелился и даже не уехал куда-нибудь подальше, как ожидали некоторые, а приобрел издательскую фирму и преуспел. Да, все прочие авторитеты третьей власти (какой, рядом с властями государственной и общественной, издавна была власть теневая, правонарушительская) находились, по сравнению с супертяжем Смоляром, в категории – в лучшем случае – пера или мухи.

Что же касается того множества мелких держателей акций «Галактинвеста» – тех, кто разом, словно по команде, бросились скупать – по цене чистой бумаги – ценности «Треста-92» именно тогда, когда падение их дошло до низшей точки, то с ними, разумеется, тоже была проведена работа. Ответы оказались самыми разнообразными: одного надоумил сосед, другого – гадалщик, третий увидел во сне, что надо покупать, четвертый – потому, что хотелось куда-то вложить небольшие деньги, оказавшиеся свободными, и он взял то, что было в тот миг самым дешевым, пятый – руководствовался собственным опытом, достаточно богатым, – ну, и так далее. На второй же вопрос – не собираются ли но-

вые владельцы продать эти бумаги теперь, когда они снова котируются очень высоко, ответы были удручающе однообразными: никто не собирался, все рассчитывали на прекрасные дивиденды. И, наконец, на прямой вопрос: знакомы ли они с человеком по имени Смоляр? – лишь один из без малого трех десятков припомнил, что – да, когда он был еще ребенком, то в их местах был старик с такой фамилией. Чем он занимался? Да вывозил мусор – а чем еще, по-вашему, мог заниматься человек с такой фамилией? Словом, полный провал; подозрения остались, но дело так и не возбудили из-за полного отсутствия доказательств. Вряд ли нужно говорить, что прямых улик, таких, как орудия преступления, следы ног, отпечатки пальцев и прочая романтика, – в такой хитроумной операции искать не приходилось.

Это – вовсе не самое интересное из приписываемых Смоляру дел, и о нем здесь рассказано только потому, что этот файл с материалами оказался первым в достаточно длинном списке подобных же.

Неудивительно поэтому, что неприступный Смоляр всеми давно уже был признан Императором Братства, то есть третьей власти, и чуть ли не ногой открывал дверь даже и в президентский кабинет, не говоря уже о прочих, рангом пониже. Почему его впускали – несмотря на то что общественное положение его, во всяком случае формально, было весьма неопределенным? Да просто потому, что – пусть и неофициально – у него был статус Очень Богатого Человека. Сле-

довательно – Сверхважного Лица. Такой титул, как правило, снимает вопросы о том, каким путем это богатство возникло; важно лишь – что оно реально существует. И человек, им обладающий, уже не нуждается в какой-то формальной власти, поскольку принадлежит к Супервласти, которой так или иначе подчиняются все нумерованные. Так что вряд ли стоит удивляться тому, что Смоляр свободно (хотя и соблюдая все полагающиеся по протоколу знаки почтения) входил даже в обитель самого Омниарха. И – по странному совпадению – возникал там именно в те часы и минуты, когда совершалось очередное (ограбление, ликвидация конкурента, банкротство мешающей фирмы, похищение бесценного полотна или слишком уж рьяного розыскника – выбирать можно по вкусу).

Иными словами, Смоляр находился на виду у всего мира – поскольку ни один визит его на самые верха не проходил, естественно, мимо внимания средств информации. Так что подозреваемому не приходилось доказывать свое алиби, и не было ни малейшего основания даже пригласить его для допроса.

Почему же вообще подозревали именно его?

Скорее всего, по одной-единственной и не очень обычной причине. Дело в том, что на месте каждого преступления, где никогда не оставалось следов, неизменно обнаруживали золотую пластинку формата визитной карточки, на которой столь же неукоснительно оказывались выгравированы изящ-

ным почерком старинного стиля (где толстые нажимные линии плавно переходили в тончайшие волосные) следующие слова, всегда одни и те же:

«С сердечным приветом, всегда ваш – Смоляр, Император и Владелец Мира и всех его окрестностей».

Этот краткий, но выразительный и не очень скромный текст завершался подписью, которая являлась факсимильным автографом той, что украшала великое множество финансовых, общественных и личных документов. На обороте пластинки постоянно находилась запись древней песенки «Гоп со смыком» в исполнении, так уверяли аналитики, лично Императора Всех Братков (как иногда не без ехидства называли Смоляра законопослушные граждане – в узкой компании, впрочем, чтобы не дай бог не обидеть сильного человека).

Конечно же, представители правоохранительных служб после обнаружения каждой новой пластинки с песенкой и автографом вежливо просили Смоляра дать объяснения этому факту. Нет, это был ни в коем случае не допрос, а просьба; у обоих этих слов корень один и тот же, но смысл весьма различен. И Император ни разу не отказывал, но объяснения его отличались друг от друга не более, чем одна пластинка от другой. Он со скукой, едва не зевая откровенно в лицо визитерам, растолковывал:

– Как вы знаете, количество недоброжелателей у каждого человека возрастает пропорционально кубу его жизненного

уровня, а значит, определить количество моих врагов не под силу даже компьютерному центру, поскольку мой уровень во всех отношениях может быть обозначен лишь математическим символом бесконечности, не так ли? Додумать можете и сами.

– То есть вы утверждаете...

– Утверждать и подтверждать, вообще доказывать – это ваше ремесло, не мое. Я лишь официально заявляю: действие совершено моими врагами, и, скорее всего, вовсе не из наших кругов – хотя и среди нас, наверное, есть завистники, но они не осмелились бы. А изготовить такую пластинку, скопировать подпись и голос сегодня может любой школьник, не выходя из дому.

– Да, мы понимаем, разумеется; но все же...

– Работайте, господа; если раздобудете какую-то информацию – убедительно прошу сообщить мне. Если понадобится какая-то помощь с моей стороны – готов оказать ее в любой миг.

На этом разговоры заканчивались – без всякой пользы для следствия. В самих же органах всякий раз возобновлялись споры и воскресали старые противоречия:

– Да, конечно же, это не он: с какой стати привлекать к себе внимание снова и снова? Известности ему не хватает? Да он и так – самый известный человек в обеих Галактиках!

– В этом-то все и дело! – возражали оппоненты. – Человек всем может нажраться до тошноты; но уж если есть в нем

потребность славы и власти – этого никогда не будет достаточно. Он в Галактии, надо думать, самый сильный, богатый, значительный; однако – не единственный! Не в одном, так в чем-то другом кого-то можно поставить рядом с ним. Президента Федерации, например, или президента ВКТ – Всеобщей космотранспортной, или... А ему может хотеться, чтобы рядом никого не было! Чтобы и близко ни одним не пахло! Ради такого человек пойдет на что угодно. А что он сам об этом звонит – таким образом Смоляр самому себе доказывает, что выше, умнее и богаче всех. Мол, да, я это сделал – и как же вы меня остановите? Приучает нас к тому, что все в его власти, а все наши попытки для него – детская возня в песочке, не более. И когда он объявит себя главным во вселенной – никто даже не удивится особенно: мы ведь на самом деле к этой мысли уже наполовину привыкли. Осталась вторая половина – и вот ее-то он понемногу и прибирает к рукам...

Такие разговоры велись даже и очень ответственными лицами во всех без исключения Службах – и в «Прозрачном мире» в том числе. Именно об этом размышлял Ястреб – и весь остаток дня в конторе, и вечером, уже в сумерках, когда направился в свое жилище, где так и остался неубранным диван, на котором ему нынче утром не позволили доспать. Зато сейчас (надеялся он) даже мысли о Смоляре не помешают ему возместить потерянное на рассвете по милости Листвена и Младого. Президента Галактии Ястреб, по-

раздумав, решил ни в чем не обвинять: конечно, знает Глава Федерации о том, что розыскник сладко спит, он строго-на-строго запретил бы будить его. Потому что каждый человек имеет право на сон.

А хотя – может, и не запретил бы. С этими политиками никогда не знаешь, что в следующий миг придет им в голову.

Глава 4

До своего жилья, которое вполне заслуживало определения, данного ему однажды женщиной, чье имя история для нас не сохранила – да и вряд ли мы что-нибудь потеряли при этом («Типичная берлога неприкаянного мужика, или же текст, зашифрованный таким кодом, которого никто, кроме самого хозяина, никогда не раскроет»), – итак, до этого обиталища Ястреб добрался, в общем, без приключений – если только не считать встречи, не приведшей, правда, ни к каким последствиям, но несколько испортившей ему настроение.

Он уже приближался к дому, размашисто шагая безлюдной и скверно освещенной улицей и мечтая об ожидавшем его гостеприимном диване, когда впереди смутно обозначились фигуры двух людей, неторопливо, прогулочным шагом двигавшихся ему навстречу. Одолевавшая его сонливость тут же профессионально исчезла, ее место заняла привычная прокрутка вариантов: встречные могли оказаться случайными прохожими, и, скорее всего, так оно и будет, но не исключалось и другое развитие событий, к которому следовало быть готовым. Ястреб отлично знал, что на свете – и в этом городе в частности – могло и должно было находиться и в самом деле находилось несколько десятков человек, никак не желавших ему добра, а среди этих десятков – самое малое

полдюжины таких, кто с удовольствием превратил бы эти желания в действие – подвернись только удобный случай. Как раз таким случаем и могла оказаться нынешняя прогулка. Не замедляя шага, Ястреб приготовился к противодействиям, какие могли понадобиться, если встречные, приблизятся...

Однако по мере сближения напряжение его все более ослабевало. И не только потому, что один из прохожих оказался женщиной – что уже издали было понятно по походке и очертаниям фигуры. Звонкий женский смех, разнесшийся по дремлющей улице, хотя и мог оказаться лишь средством отвлечения его внимания, на самом деле его успокоил почти совершенно. Люди смеются по-разному, когда беззаботны – совсем не так, как при напряжении перед опасным действием. Главной причиной возникшего спокойствия была его интуиция – свойство, которое Ястреб уже не раз мысленно награждал орденами за вовремя данный совет, помогавший спастись, когда шансов на это почти не оставалось, или выиграть схватку в миг, когда противник собирался запеть победную песнь. Интуиция каким-то своим способом определила: нет, эти двое коротко замкнуты друг на друга, они не по твою душу, они тебя даже не замечают, ты для них просто не существуешь – хотя разделяет вас всего лишь несколько шагов. Так что и ты сам можешь вести себя таким же образом: не замечай парочку, чтобы не нарушить их одиночества, которым они наслаждаются сейчас.

Ястреб почти так и поступил; «почти» – потому что про-

фессиональный инстинкт все-таки заставил его, поравнявшись и вежливо посторонившись, чтобы не стеснить встречаемых на узком тротуаре, все же выстрелить взглядом в лицо женщины, сразу же – в ее спутника, – и вот они оказались уже за спиной. Ястреб мгновенно повернулся и, не ломая ритма, сделал несколько шагов пятясь; то был привычный прием, чтобы предупредить возможное нападение сзади. Но разминувшиеся с ним люди продолжали идти своей дорогой – и только женщина на мгновение обернулась,глянула на него через плечо, он успел зафиксировать ее слегка приподнявшиеся, словно в удивлении, брови.

«Стой. Где-то эти глаза мне уже встречались. Только где и когда? Вот память стала – как решето. Ну-ка, милая, оглянись еще разок – чего тебе стоит?»

Но никакого продолжения не последовало, парочка удалялась, и еще через несколько шагов Ястреб тоже повернулся, не прекращая движения, и дальше шагал уже нормально, выдерживая темп до самого крыльца.

Лениво поворачиваясь под душем, он проиграл в памяти этот эпизодик – просто так, по привычке, ничего интересного ведь в нем не было. Или все же?

Знакомые глаза? Да, в тот миг так показалось. Но сейчас уже возникли сомнения. При таком освещении... А может быть, пресловутое *deja vu*?

Женщина обладала по меньшей мере двумя достоинствами: молодостью и красотой. Но в этом не усматривалось ни

опасности, ни даже враждебного замысла.

Хотя, безусловно, такая случайная встреча может нарушить настроенность на решение профессиональной задачи. Способствует появлению некоей зависти: почему это не я рядом с нею, а какой-то неприятный тип – за какие такие заслуги ему это дано? Вслед за этим может нахлынуть жалость к самому себе: а ты вот уже сколько времени один, и не видно даже никого, с кем хотелось бы встретиться более одного раза, – никого, кто сказал хотя бы: «Милый, и как ты можешь существовать в таком ералаше, или, если точнее, бардаке?» Подобные эмоции расслабляют и влияют на качество работы. Мешают спокойно и аналитически думать. И тем не менее – никто не станет всерьез предполагать, что подобные встречи организуются именно с целью повлиять на ясность мышления известного розыскника. Куда проще – пристукнуть его. Если он, конечно, позволит.

Нет, с девушкой все в порядке. А вот в отношении ее спутника у Ястреба такой уверенности вовсе не было. Скорее наоборот: возникла какая-то более глубокая заноза. И она-то грозила отвлечь от нужных деловых рассуждений куда больше, чем милое личико в уличной полумгле.

Ястреб не очень четко разглядел лицо мужчины: слишком мало было и времени, и, главное, света. Но тем не менее откуда-то из подсознания выплыла уверенность: этого человека Ястреб видел раньше. Встречал. И не раз. Хотя со спины он выглядел совершенно незнакомым (узнавание при взгля-

де в спину уходящему было полезной способностью Ястреба; спины он различал так же отчетливо, как лица). Зато лицо определенно было видно и раньше.

А вот где и когда – совершенно не пропечатывалось. Не приходило на память никакой конкретной обстановки. Времени. Содержания встреч. Получалась бессмыслица: встречал часто – но как бы нигде и никогда.

Это и было занозой.

И действительно, помешало ему перед сном спокойно и неспешно поразмышлять о предстоящих делах. Что основательно испортило Ястребу настроение.

Однако желания уснуть все же не подавило. Слишком уж хотелось выспаться – и все меньше оставалось для этого времени. А день предстоял напряженный. Все-таки с Президентом Федерации встречаешься не каждый день. И не каждый год. И не каждую жизнь.

Ранним утром Ястреб проснулся посвежевшим – за несколько минут до будильника. После гимнастики и душа занялся бритьем: сегодня следовало выглядеть наилучшим образом.

Бритье требует от человека максимальной концентрации. И, возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что, орудуя ласково жужжащей бритвой, ему удалось проклятую щепку – занозу – если и не совсем вытащить, то хотя бы ухватить ногтями. И без особого напряжения. Вчера вечером он слишком устал и в сон клонило – иначе уже тогда

ему все стало бы ясно не хуже, чем сейчас. Ясно – но совершенно невероятно.

И это еще больше озадачило.

М-да. Забавно, забавно... Придется разбираться и с этим. Хотя и не в первую очередь.

Впрочем, все это не помешало Ястребу вовремя выйти из дому и без осложнений добраться до «Прозрачного мира». Никто за ним не охотился. Наверное, не прознали еще, что он вернулся.

Прекрасное утро – когда тебя не будят ни свет ни заря.

Глава 5

– Ну ладно, – сказал Ястреб начальнику, когда разговор на вчерашнюю тему продолжился: надо было выработать единую линию поведения, когда не кто-нибудь, а сам президент будет задавать вопросы и высказывать пожелания. Главное тут – не зарваться, не наобещать стгоряча чего-нибудь такого, что вообще выполнить невозможно. Пытаясь отделить возможное от желаемого, Ястреб спросил: – Ну ладно, но, в конце концов, есть же оперативная работа! Смоляр существует не в космической пустоте, он не отшельник, его окружают люди – и помощники, и сотрудники, и, в конце концов, наверняка же имеются и женщины!

Быть может, именно некстати возникшее воспоминание о ночной встрече с девушкой и заставило его обратиться к этому предположению.

– Женщины, – повторил Ястреб с такой интонацией, что слово это воспринималось, как напечатанное жирным шрифтом. – Разве не были они всегда лучшими информаторами? Даже если Смоляр не допускает их к своим делам. Но ведь самая крутая компра идет, как правило, из личной жизни. А нам главное сейчас – зацепиться хоть за что-нибудь. Уверен, что Смоляру не нужна дурная огласка чего угодно, что не сочетается с образом безупречного правителя, каким он собирается стать. И если возникнет такая угроза – он мо-

жет занервничать.

Младой печально усмехнулся:

– Нет пророка в своем отечестве, и тебе им, похоже, тоже не стать. Думаешь, тебе первому светлые мысли приходят в голову? Да мы с этого начинали! Когда еще думали, что обойдемся без тебя.

– Ну, и?

– Ноль целых ноль десятых. Нету вокруг него женщин, понимаешь? Холост. Любовниц не установлено, хотя мы потребовали все данные наблюдений за последние годы. Как-то он ухитряется жить без них. У его шестерок есть, конечно, а вот у него – пусто.

– Неужели и без секретарш? Хотя бы одной? Знаешь, бываю такие: юбочка выше пояса, ножки точеные, глаз не отвести – разве что на это вот... такое... – и Ястреб показал жестом, что имел в виду.

– Не захлебнись слюной, – посоветовал Младой. Впрочем, тон его был скорее сочувственным, чем ироническим. – Нет у него секретарш. Ни одной. Все сплошь секретари.

– Ага! А может, тут-то собака и зарыта? Как у него с ориентацией? В смысле однополой любви.

– Да чисто! – ответил шеф с досадой. – Уж поверь, тут не мы рыли, вернее – не мы одни, а главным образом казенные Службы. Во всю свою мощь. Ни-че-го. Как-то ухитряется он обходиться без секса. Скорее всего – все это перегоняет, сублимирует в жажду власти или что-нибудь в этом же роде. На

планирование и осуществление своих делишек, например.

– Ну, может быть, – не очень уверенно согласился Ястреб. – А делишки на самом деле стоящие. То, о котором вчера говорили, – действительно производит впечатление.

– После «Треста» он провернул дельце еще более лихое, – произнес Младой невесело. – Вот только что. Из-за чего все и засуетились. До тебя, может, еще и не дошло...

– О таких делах чем меньше знаешь, тем легче жить, – откликнулся Ястреб, стараясь, чтобы голос прозвучал весело. – Но горю желанием услышать.

– Тоже хулиганство, – объяснил Младой. – Только мелким его уже не назовешь.

– Понятное дело, – согласился Ястреб. – Разве иначе меня позвали бы?

– Дело такое: был проект перенести Материнский трансгалактический Космостарт с нынешнего места, с Угры, на Аргенор.

– И чего им на месте не сиделось? – удивился Ястреб.

– Ну, на то и начальство, чтобы выдумывать разные штуки. Рабочие места, и все такое прочее. Правда, аргументы действительно были: Угра уже совсем зашивается, грузопоток только за последнюю декаду увеличился в два с лишним раза... Короче: проект разработали, а когда собрались приступать – было это как раз вчера, – Аргенор пропал. Не оказалось его на месте, и все тут.

Ястреб засмеялся.

– Тебе весело, да? – поинтересовался до сих пор молчавший Листвен. – Знаешь, мы все тоже смеялись, рассчитывая, что этим делом займутся казенные Службы. Они и занялись, да. Но там и делать было нечего: на орбите остался маячок, а в нем – ну, ты сам уже догадываешься, что нашли.

– Золотую визитку?

– Ее.

– А он что?

– Как всегда – слово в слово, те же отговорки. Ему, мол, эта планетка совершенно без надобности, а зря тратиться он не любит. Но в обитаемых мирах просто нет другого человека, который смог бы повернуть такую операцию. Не говоря уже о том, что же он сделал, как уничтожил, а если нет – куда вообще девал планету? Загадка.

– Ну а в самом деле – зачем ему Аргенор?

– Не понимаешь? – удивился Младой. – Да просто чтобы показать, кто в Галактике хозяин.

– Лихой мужичок, – признал Ястреб едва ли не одобрительно. – Ладно, а от нас чего же хотят?

Младой склонил голову к плечу, высоко поднял брови:

– Насколько я понял Президента, речь не о том, что Смоляр уже сделал, а о том, что лишь собирается. Верхи считают, что его надо обуздать раз и навсегда. А еще лучше – вообще нейтрализовать. Любой ценой. «Мир без Смоляра» – такой вот лозунг.

– Красиво звучит, – охотно согласился Ястреб. – Хотя это

всего лишь лозунг, то есть нечто бессмысленное. Раз они так уж настроены – чего же медлят? Ну, устроили бы ему аварию – на планете или в пространстве. А мы тут при чем? Это же не наша специальность.

– Думаешь, не пробовали? Авария точно состоялась; только погибли наши, а не он. Если точнее: были убедительные оперативные данные, что он вышел в пространство на одной посудинке из его эскадры. Совершенно точные. Корона послала вдогон перехватчик. А он, когда понял, что ему сели на «хвост», вместо того чтобы попытаться слинять, описал циркуляцию и пошел на таран. По сути, на самоубийство! Смоляр! До последнего мгновения никто не мог поверить: ждали, что он просто испытывает – чьи нервы крепче. А когда поняли, что это всерьез, отворачивать уже поздно было. Результат? Оба корабля – в пепел, спасенных, понятно, не было. Власть высказала глубокое сожаление и сочувствие, испытывая на деле глубокую радость: погорел «император окрестностей» на веки вечные! Если бы! Но он назавтра объявился живой и здоровый – лично прибыл на самый верх со своими соболезнованиями по поводу, как он назвал это, несчастного случая. Выходит, вместо факта оперативникам подсунули дезу, другого объяснения не придумать. Теперь ищут – кто да как, а толку никакого. Так что стало понятно: известными способами его не достать. Думаешь, иначе они стали бы опускаться до нашего уровня?

– Понятно. Что же он на сей раз задумал такое, что даже

у начальства нервы сдали?

– Президент обещал рассказать при личной встрече.

– Что – он собирается заехать к нам на чашку кофе?

– Юморист. Он ждет нас через сорок минут.

– Надо понимать – всю команду?

– Нас с тобой. У Листвена – другая задача.

– Какая честь! – сказал Ястреб и зевнул.

– Так что времени у тебя в обрез, чтобы одеться поприличнее. Давай беги. Подхватчу тебя у твоего дома.

Глава 6

Проходя в сопровождении разодетых камер-стражей по анфиладе президентского дворца, Ястреб, оказавшийся тут впервые, лишь крутил головой и щелкал языком – от восхищения, надо полагать: все вокруг было в золоте и самоцветах, парча чередовалась со светящейся синтетикой, ноги увязали в коврах едва ли не по колено. Похоже, за их проходом наблюдали; во всяком случае Президент Стойк, поднявшийся из-за стола навстречу вошедшим, начал со слов:

– Похоже, наша резиденция вам понравилась?

Младой лишь почтительно улыбнулся и покивал головой. Ястреб же вполне серьезно ответил:

– Производит впечатление. Наверное, обошлось недешево?

– Можете быть уверены, – сказал Президент. – Все делалось на века. Жаль, что простоит так недолго.

– А что? – безмятежно поинтересовался Ястреб. – Подпочвенные воды? Или ожидается землетрясение страшной силы?

– Я рад, – проронил в ответ Стойк, – что вы в хорошем настроении. Жаль, что придется его испортить.

– А может, не надо? – спросил Ястреб.

– Могу вас успокоить в том смысле, что ни воды, ни иные природные катаклизмы нам не грозят, – заявил Президент. –

А огорчить – тем, что нас ожидает нечто худшее. Есть вероятность, что в недалеком будущем все это разлетится вдребезги.

– Такая роскошь?..

– Если бы речь шла только о дворце, я не стал бы отвлекать вас от ваших дел, безусловно важных.

Ястреб только поднял брови, ожидая продолжения.

– Уничтожение грозит всей планете. Всей Матери.

Ястреб позволил себе слегка улыбнуться:

– Вы полагаете, это возможно?

Президент Стойк вздохнул:

– Это обещано мне человеком, до сих пор неуклонно выполнявшим все угрозы. И я не думаю, что на сей раз он шутит.

– Вы имеете в виду Смоляра?

– Никто другой не решился бы... – Президент не договорил.

– Похоже на нормальный шантаж, – сказал Ястреб. – Чего он хочет?

– Вот этого.

И Президент похлопал ладонью по полированной поверхности стола.

– Он хочет сменить мебель?

– Не время для шуток, – проговорил Президент достаточно грозно (Младой даже вздрогнул). – Он хочет получить этот пост. Стать Президентом Галаксии. Законным. Он мо-

жет получить легитимность, если я официально назначу его моим преемником, а потом подам в отставку. Вы знаете, что по закону это равносильно всенародному избранию.

Откровенно говоря, Ястреб этого не знал: высокая политика его никогда не интересовала. Однако он кивнул головой так выразительно, словно собирался боднуть Главу Федерации.

– А потом, – продолжал Президент Стойк, – он объявит себя Императором. Не только всей шпаны. Всей Галактии. Как это пишется на этих его бесстыдных карточках. (Тут в голосе верховного политика прозвучало раздражение, которого он не смог скрыть.) И никто не сможет помешать этому, поскольку все его действия будут законными, целиком конституционными.

– Не люблю самодержавия, – сказал Ястреб. – Я воспитан в твердых демократических убеждениях.

(Вообще-то о своих убеждениях он никогда не думал всерьез: работа ничего такого не требовала, да и жизнь – тоже. Но сейчас – он чувствовал – следовало произнести что-то, приличествующее обстановке.)

– Как все мы. Поэтому думаю, мне не придется объяснять и доказывать вам, что ему необходимо помешать. Обезвредить его. И, как выяснилось, в этом деле мы можем рассчитывать только на вас.

Ястреб ухмыльнулся:

– Вот не знал, что один я сильнее Вооруженных сил и всех

Служб Галактии. Вы мне дали повод потребовать улучшения оплаты моего труда. Значит, военный министр теперь будет приветствовать меня первым? А как ко мне станут обращаться? Пожалуй, «Ваша крылатость» звучало бы неплохо. Или «Окрыленность», как по-вашему?

– Уймись, Ястреб, – не выдержал Младой. – Дело более чем серьезное. Простите его, Президент, он любит прикидываться дурачком, но на самом деле...

– Знаю, – сказал Президент. – Меня предупреждали. Хотя должен заметить, господин Ястреб, что вы ведете себя не совсем...

Он махнул рукой:

– Хорошо, вернемся к делу. Думаю, что у вас успели возникнуть вопросы.

– Ну, если вы действительно полагаете, что задача нам по силам, то введите нас в курс дела полностью. Он грозит взорвать планету? Это реально? До сих пор я полагал, что такое бывает разве что в сказках.

– Сказки не всегда лгут, господин Ястреб. И кроме того – об этом говорилось не только в сказках.

– В чем же народное творчество право? Какой сверхвзрывчаткой можно разнести в пыль такой солидный объект, как Матерь? И куда такой заряд надо – и можно – заложить? А кроме того – каким образом он ухитрится проделать это в одиночку? Ведь Смоляр до сих пор не имел соучастников, верно?

– Они не понадобятся ему и сейчас. Не нужно много сил, чтобы проговорить несколько слов – если знать, что это за слова, а также где и когда их произнести.

– Вот что! Пресловутая Триада Куранта? А я-то всегда думал...

– Что это болтовня старух, понимаю. Я и сам всю жизнь считал так же.

– Что же разубедило вас? Постойте, постойте, кажется, я... Это Аргенор?

– Его исчезновение. Он вовсе не был уведен с орбиты, как мы вначале предположили. Его даже не разнесло в пыль. Он просто исчез.

– Интересно. И вы вправду полагаете, что это – воздействие Триады?

– Ее можно услышать – на звуковой дорожке. Нам – мне – прислали запись. Больше не было смысла держать ее в тайне: ведь у каждой планеты – своя триада, три формулы, на которые отзывается она – и только она.

– А на звуковой дорожке, кроме этого...

– Да, было и другое. Предупреждение: «Следующий – Горм. За ним последует Матерь». Вы ведь помните мифологию: Горм породил Матерь из своего левого бока, а затем она...

– Это мы учили в школе. Даже раньше: в детской когорте. Скажите: а голос...

– Нет, конечно: голос искусственный. Но подтверждение

– золотая визитка – доставлено за пять минут до его личного визита.

– Как Смоляр получил доступ к этой самой триаде? Почему он, а не вы? Где вообще все эти триады находились? Никто ведь не знал...

– Как получил? Какая разница? Купил или вынудил сообщить ему. Где они хранились? Но вы, наверное, даже не знаете, как и когда они возникли? И кто такой – Курант? Это, по-моему, не входит в программы детских когорт?

– В моем образовании зияют большие пробелы, – ответил Ястреб хладнокровно. – Но помню, что и в школе этого не проходили.

Президент вздохнул.

– Ну, хорошо. Вкратце: Курант жил пятьсот с лишним лет тому назад, в Век Больших Открытий, и по образованию был вакуум-физиком, а по службе – только не улыбайтесь – монахом в Великой Обители.

– Это в той, что тут, рядом с Капитом?

– Не перебивай Президента! – прошипел Младой. Ястреб только отмахнулся.

– В этой самой, – подтвердил Стойк. – В те времена там еще находилась резиденция Омниарха. Итак, Курант занимался теологией и физикой пустоты; возможно – старался перебросить между ними какие-то мостки, этим в разные времена занималось немало народу. Не знаю, каковы были бы его успехи, если бы перед Матерью вдруг не возникла

угроза уничтожения.

– А что – тогда тоже жил какой-нибудь Смоляр? Не предок нашего случайно?

– О Смоляре история умалчивает. Угроза же заключалась в приближении небесного тела – оно обладало кометной орбитой, но представляло собой монолит, весьма и весьма увесистый. Столкновение с ним привело бы к катастрофе, во всяком случае – к гибели всего живого на Матери, и столкновение это казалось неизбежным; у человечества не было способов не только уничтожить тело, но даже просто отклонить его орбиту. К счастью, тело было замечено, когда до столкновения оставалось еще около года.

– А Курант...

– Похоже, что он поверил в свою миссию спасителя Человечества. Видимо, на поиск его натолкнули древние апокрифы, потому что в канонических текстах о подобных формулах говорится очень мало и невразумительно. Я специально консультировался по данному поводу с Омниархом, он подтвердил это. Что же касается вакуум-физики, то в ней ученый монах ушел дальше своих современников. В Обители тогда существовали прекрасные лаборатории, то была старая традиция; так или иначе – ему удалось сконструировать эти триады. Сам он полагал, что это было озарением свыше. Формулы как-то выводились из параметров небесного тела – ну и, разумеется, там хватало того, что у нас называется – и тогда называлось – магией. Он применил триаду – и угро-

жавшее Матери тело исчезло, как если бы его и не существовало вовсе.

– Куда же оно девалось?

– Как говорят специалисты – перешло в пустоту – такую, которой мы не знаем, в подлинную, не ту, какой она представляется нам. Причем здесь не могло произойти прямого перехода вещества тела в энергию: эффект был бы сильнее, чем от взрыва Сверхновой. Нет – оно ушло тихо-мирно, крайне вежливо. Вот оно есть – и вот его больше нет. Лично я подозреваю, что на самом деле мы наблюдаем – а тогда наши предки наблюдали – просто переход в смежное пространство, хотя пока у нас нет других доказательств его существования. Математически же...

Президент запнулся – поняв, видимо, что разговор ведется совсем на другую тему. И закончил сухо:

– Одним словом, тело исчезло без следа.

– Как сейчас Аргенор?

– Совершенно так же.

– М-да, это убеждает.

– Во всяком случае, самого Куранта убедило настолько, что он немедленно занялся конструированием – или вычислением, или сочинением, это уж как вам будет удобнее – таких же триад для миров, которые уже в те времена являлись значительными. И в этом преуспел.

– Интересно: как человечество отблагодарило своего спасителя?

– Никак. Пока оно раздумывало, какие почести ему воздать, Курант умер. Точнее – покончил с собой.

– От обиды, что ли?

– Скорее с горя. Дело в том, что коллеги-богословы обвинили его в занятиях магией и астрологией, а это противоречило вероучению. И сколько Курант ни доказывал, что без применения триады нельзя было обойтись, его отлучили от церкви. После чего – такова, во всяком случае, официально принятая версия – он наложил на себя руки.

– Я бы на его месте... – проговорил Ястреб задумчиво, – вместо этого... Ну, ладно. А что стало с его наследием? Я не имею в виду его рясы и подштанники.

Президент пожал плечами:

– Какие-то ссылки на его работы по вакууму можно найти в соответствующей литературе, но ведь все-таки полтысячи лет минуло. Ну а что касается триад – вас ведь именно это интересует? – то о них было велено забыть, все его записи, касавшиеся их, подверглись уничтожению, и даже лабораторию его разгромили...

– Зависть?

– И зависть, и догмы... Так вот, пятьсот лет считалось, что триады утрачены, – и никто не старался их восстановить. Но вот выясняется, что они сохранились. Как, где и кто их скрывал, каким путем они попали к Смоляру? Это вам предстоит выяснить.

– Зачем – если они уже у него?

Президент покачал головой:

– Кроме комбинации звуков, необходимо, – разве я не сказал? – уметь оперировать некоторыми магическими символами, но главное – знать время и место произнесения формул. Если еще живы люди, обладающие этой информацией, Смоляр мог...

– Пятьсот лет – многовато даже для долгожителя. Или есть прецеденты?

– Господин Ястреб, обещаю вам устроить состязание в остроумии с непременным вашим участием – когда опасность минует. Если она минует вообще. Речь идет о передаче устной информации из поколения в поколение, которая существовала всегда – начиная от семейных преданий и анекдотов до действительно серьезных тайн. И в нашем случае такая передача, несомненно, имела место – иначе формулы триад не дошли бы до Смоляра. Способы хранения и продвижения этой информации реальны. И если вы сможете отыскать их, задача намного упростится.

– Но почему бы просто не взять его и...

– Чтобы взять, нужно, во-первых, иметь для этого правовые основания. Которых нет. И во-вторых, нужно его найти. Потому что сразу же после визита сюда – в связи с гибелью двух кораблей – Смоляр исчез. Брать его здесь, во время официального визита? Не имея даже четко сформулированного обвинения? Такая мысль возникала, но это выглядело бы, согласитесь, позорно – и резонанс общества, которое да-

леко не всегда сочувствует властям, мог бы оказаться чересчур сильным. Так что, где Смоляр сейчас, никому неизвестно. Когда он нам нужен, его никогда нет. Зато когда мы его не желаем видеть, он возникает спонтанно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.